

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ЭТОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

УДК: 159.972+616.89

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/308-328

Научная статья

© *Е. М. Иванова*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ЮМОРУ И СМЕХУ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В данной статье представлен психологический анализ отношения к юмору и смеху с точки зрения как шутника, так и аудитории. Мотивация шутника операционализируется через концепцию стилей юмора, а особенности отношения к смеху со стороны реципиента шутки — с помощью понятий гелотофобии, гелотофилии и катагеластиицизма. Разработанные для решения задач психологии индивидуальные различий и психопатологии, эти понятия используются в статье также и для описания социальных и культурных феноменов и особенностей. На материале русской культуры делается предположение о возрастающей роли юмора, смеха и связанных с ним психологических феноменов в современном обществе. На основе серии исследований, выполненных на российской выборке, предлагается дискуссия об особенностях отношения к юмору и смеху в России в контексте культурно-исторической динамики, через призму философских дихотомий «смех-стыд», «смех-страх», «смех-агрессия», «смех-серьёзность». В статье делается попытка применить исследовательский инструментарий психологии к анализу культуры в целом, такой подход может быть достаточно перспективным в том числе и для анализа литературы.

Ключевые слова: смех, юмор, стили юмора, страх насмешки, гелотофобия, гелотофилия, катагеластиицизм

Ссылка при цитировании: Иванова Е. М. Особенности отношения к юмору и смеху как психологический и социально-культурный феномен // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 308–328.

Иванова Елена Михайловна — к. психол. н., доцент, доцент кафедры клинической психологии Института клинической психологии и социальной работы, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова (Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Островитянова, д. 1); старший научный сотрудник отдела медицинской психологии ФГБНУ НЦПЗ (Российская Федерация, 115230 Москва, Каширское ш., 34). Эл. почта: ivalenka13@gmail.com

UDC 159.972 + 616.89

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/308-328

Original article

© *Elena Ivanova*

ATTITUDES TO HUMOR AND LAUGHTER AS A PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL-CULTURAL PHENOMENON

The article contains a psychological analysis of the attitude to humor and laughter from the joker's and the audience's point of view. Motivation of the joker is operationalized through the concept of humor styles, while the recipient's attitude to humor and laughter — through the notions of gelotophobia, gelotophilia and katagelasticism. The paper also provides a brief review of the modern studies of these phenomena within psychology of individual differences and psychopathology. We suggest an increasing role of humor, laughter and psychological phenomena related to them in the modern society. Basing on a series of studies conducted on Russian sample, we discuss national specifics of the attitude to humor and laughter in Russia in the context of cultural-historical dynamics, through the philosophical dichotomies of “laughter-shame”, “laughter-fear”, “laughter-aggression”, “laughter-seriousness”.

Keywords: *laughter, humor, humor styles, the fear of being laughed at, gelotophobia, gelotophilia, katagelasticism*

Author Info: **Ivanova, Elena M.** — Ph.D., Docent, Assistant Professor at the Department of Clinical Psychology, Institute of Clinical Psychology and Social Sciences, Pirogov Russian National Research Medical University; Senior Researcher, Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivalenka13@gmail.com

For citation: Ivanova, E. M. 2024. Attitudes to Humor and Laughter as a Psychological and Social-Cultural Phenomenon. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 308–328.

Комическое интересовало философов и учёных с древних времён, однако за последние несколько десятилетий научные исследования юмора и смеха оформились в относительно самостоятельное междисциплинарное направление и становятся популярными не только за рубежом, но и в нашей стране. Чувство юмора можно рассматривать как инструмент познания, позволяющий, с одной стороны, установить некоторую дистанцию с предметом, а с другой — сделать доступным его изучение с разных сторон и, таким образом, приблизиться к его пониманию. Однако речь идёт про познание в широком смысле слова — включая познание себя, мира, самого процесса познания, человеческой природы. Широко распространённый взгляд на шутку как на решение задачи, когда предлагается найти «правильный» ответ, интерпретацию, смысл (Мартин 2009; Мусийчук 2003; Уйер, Коллинс 1992) в последнее время подвергается критике. Так, например, А. Г. Козинцев (Козинцев 2007), М. В. Бороденко (Бороденко 1995) и другие выдвигают тезис о том, что в юморе нет и не может быть одной верной интерпретации. Реинтерпретация смысла, возникающая в так называемой пуанте шутки или её кульминационном моменте, приводит не к разре-

шению противоречия (разгадке, верному ответу), но к разрушению обоих вариантов интерпретации — они вводят такие понятия как «антиреференция» и «контрзнак». Юмор — это особого рода игра, позволяющая озвучить некоторую точку зрения не как свою, а как принципиально возможную. Например, рассказывая приятелю анекдот про чукчей (американцев, немцев, поляков и пр.) я, с одной стороны, как бы говорю, что «мы-то с тобой не такие, как они» (глупые, ленивые, жадные и пр.). С другой стороны, это же только шутка, я не имею в виду ничего плохого про другой народ всерьёз. Для возникновения чувства смешного необходимо наличие как минимум этих двух точек зрения одновременно, причём важно не то, какая из них истинная, а сам факт наличия обеих и неожиданное обнаружение этого. Зачастую шутка имеет гораздо большее количество смыслов, подтекстов, что делает её ещё смешнее (Wyer, Collins 1992). Можно сравнить шутку с подзорной трубой, которую мы даём другому, как бы говоря: «Посмотри, я вижу эту ситуацию вот так». При этом можно смотреть в трубу, а можно убрать её — обе картины будут по-своему верными. Смешно становится не потому, что собеседник принимает нашу точку зрения, а оттого, что он её увидел в принципе, одновременно видя какую-то другую, противоположную. В этом смысле ученые говорят о том, что юмор способствует творчеству, расширяет границы сознания, способствует выработке новых смыслов в культуре (Мусийчук 2003; Домбровская 2010). Таким образом, чувство юмора связывается с умственной и личностной гибкостью, внутренней свободой человека, его психологическим благополучием и психическим здоровьем (Бороденко 1995, Мартин 2009). Аналогичные связи усматриваются в отношении группового поведения и общества в целом (Дмитриев, Сычев 2005).

В современном мире в связи с интенсивными процессами глобализации и виртуализации возникает необходимость переосмысления многих культурно-социальных проблем по-новому. С одной стороны, люди становятся ближе друг к другу технически, культуры перемешиваются, всё больше межнациональных семей, билингвов, космополитов — границы относительно размываются. С другой стороны, усиление виртуализации приводит к нарастанию индивидуализма и трудностям в близком общении — границы в определённом смысле становятся более жёсткими, нарастает разобщённость. В этой ситуации, на наш взгляд, актуальность исследования межличностного и межгруппового взаимодействия постоянно растёт, а юмора и смеха как отражения способности видеть мир полифонично, с разных точек зрения, — особенно.

Совместный юмор и смех имеют две взаимосвязанные функции в социальном взаимодействии: они сближают с теми, с кем мы смеёмся вместе, и противопоставляют нас тем, над кем мы смеёмся (Мартин 2009). Другими словами, смех является инструментом проведения границ между людьми или группами людей. В связи с этим, он имеет как бы «светлую» и «тёмную» стороны, что на протяжении многих столетий сбивало учёных с толку и приводило к бесплодным спорам. С одной стороны, юмор и смех считаются атрибутом здоровья, интеллекта, творчества; они имеют крайнюю степень социальной желательности. Люди с хорошим чувством юмора обладают большей привлекательностью в качестве супругов, друзей, партнёров, учителей, лидеров и т. д. (Мартин 2009). С другой стороны, люди, склонные к сарказму, циничному, «злому» юмору далеко не всегда воспринимаются окружающими столь же позитивно. В психологии юмора было предложено несколько попыток решения этой дилеммы. Одна из наиболее популярных — идея выделения различных стилей

юмора, различающихся по своей адаптивности/разрушительности. Так, Р. Мартин с соавт. (Мартин 2009) предложили два критерия дифференциации стилей юмора: 1) направленность юмора на себя или на других; 2) поддерживающий характер юмора или уничижительный его тон, насмешка. Таким образом, авторы описали аффилиативный, самоподдерживающий, агрессивный и самоуничижительный стили юмора. Р. Мартин с соавт. разработали опросник стилей юмора HSQ, который на данный момент переведён на многие языки и имеет огромную популярность.

Аффилиативный стиль — доброжелательный и толерантный, способствует укреплению межличностных отношений и росту взаимной привлекательности, он направлен на установление и поддержание социальных контактов. *Самоподдерживающий* стиль юмора подразумевает оптимистичный взгляд на жизнь, умение сохранять чувство юмора перед лицом трудностей и проблем, т. е. является механизмом совладания со стрессом. Оба этих стиля связаны с открытостью новому опыту, оптимизмом, самоценностью, успешностью межличностных отношений, удовлетворённостью качеством жизни и др. (Мартин 2009).

Агрессивный юмор включает сарказм, насмешку, подтрунивание, может применяться в целях манипуляции другими. *Самоуничижительный* стиль означает использование юмора, направленного против самого себя, с целью снискания расположения значимых других. Такие люди могут восприниматься как остроумные и весёлые, но на самом деле за этим стоят низкая самооценка и обострённая потребность в принятии. Эти стили юмора положительно связаны с нейротизмом, агрессией (агрессивный) и депрессией (самоуничижительный), лица со склонностью к одному из этих стилей менее удовлетворены своими межличностными отношениями (Мартин 2009).

С помощью стилей юмора можно описать особенности и характер мотивации, намерений шутника: хочет ли он обидеть кого-то, либо, напротив, сблизиться, заслужить доверие собеседника. Интересно, что в реальном взаимодействии стили юмора намного более тесно взаимосвязаны, чем это заложено в оригинальной методологии. Например, было показано, что в среде полицейских (а, вероятно, также военных, спортсменов и т. п.) агрессивный юмор может повышать групповую сплочённость, и шутки, на первый взгляд, кажущиеся крайне обидными, агрессивными, имеют конечной целью включение человека в команду, а не исключение (Terrion, Ashforth 2002). Подобные переходы между «тёмной» и «светлой» сторонами юмора нередки между друзьями, а также в различных социальных контекстах. Позволим себе предположить, что в ряде случаев шутник и сам не уверен в своих намерениях, озвучивая шутку. Восприятие юмора напрямую не связано с серьёзной оценкой задействованного материала. Так, оценки шуток как смешных и как неприемлемых относительно независимы (Ruch 1992). Граница между двумя ипостасями юмора и смеха принципиально не может быть жёсткой. Ведь, как было сказано выше, юмор предоставляет нам возможность игры со смыслами, дистанцией, отношениями. В частности, в ряде эмпирических исследований были показаны связи между адаптивными и неадаптивными стилями юмора (Иванова и др. 2014, Schermer et al. 2019).

Аналогичная двойственность, амбивалентность возникает со стороны слушателя, собеседника, реципиента шутки. Успешность шутки почти настолько же зависит от реакции аудитории, как от остроумия шутника (Smith 2009). С этой стороны мы тоже встречаем неоднозначность. Одним из интригующих феноменов, описанных в пси-

хологии юмора за последние десятилетия, является страх насмешки или *гелотофобия* (от греч. «gelos» — смех). Впервые он был описан психотерапевтом М. Титцем в клиническом контексте, как специфическая форма социофобии (Titze 2009). Люди с высокой выраженностью гелотофобии не различают доброжелательные шутки и злые насмешки, воспринимают любой смех как агрессивный и угрожающий (Ruch 2009; Ruch et al. 2014; Стефаненко и др. 2011). Видя смеющихся людей, они склонны интерпретировать этот смех на свой счёт. Они не используют чувство юмора в качестве механизма совладания несмотря на то, что сама способность к остроумию у них сохранна. Склонность к гелотофобии связана с интроверсией и нейротизмом (эмоциональной нестабильностью) (Ruch, Proyer 2009-b) и отрицательно — с экстраверсией (Tsai et al. 2018). В отличие от большинства, у людей с выраженной гелотофобией влияние смеха и юмора на здоровье, личностное развитие и коммуникации может быть негативным.

В. Рух с соавт. перевели исследование страха насмешки в русло психологии индивидуальных различий. Они разработали несколько инструментов измерения гелотофобии, эмпирическим путём выявили пороги её выраженности, сформулировали ряд критериев для различения «нормального» страха насмешки и «патологического» (Ruch 2009; Ruch et al. 2014), занимались исследованием людей с экстремальными значениями гелотофобии (Platt et al. 2012). Таким образом, предполагается, что психически здоровые люди могут быть более или менее склонны к проявлениям страха насмешки, это континуум. Однако, всё же, говоря о людях с высокими показателями, даже в отсутствие клинического диагноза, можно предполагать наличие определённых личностных нарушений пограничного спектра, требующих как минимум психологической помощи.

В ходе исследования феномена гелотофобии В. Рух и Р. Проер сделали вывод о том, что ситуация высмеивания не всегда является неприятной для объекта насмешек. Некоторым не только нравится, когда над ними подшучивают, но они сами провоцируют шутки в свой адрес. Склонность выставлять себя объектом юмора и смеха была названа *гелотофилией* (Ruch, Proyer 2009-a). Авторы отмечают, что гелотофилия является независимым феноменом, а не отрицательным полюсом гелотофобии. Если гелотофобия — это страх насмешки, то гелотофилия — это не просто отсутствие страха, а именно получение удовольствия от возможности стать поводом для смеха окружающих. Гелотофилия положительно связана с экстраверсией, открытостью опыту и отрицательно — с нейротизмом: чем выше уровень эмоциональной стабильности, тем ниже уровень гелотофилии (Tsai et al. 2018). Как можно заметить, гелотофилия тесно связана со способностью смеяться над собой, т. е., по идее, взаимосвязана с самоуничижительным и самоподдерживающим стилями юмора. Однако подчеркнём, что эти концепции не совпадают. Гелотофилия выражает отношение к смеху других, тогда как стили юмора отражают субъективные представления человека о характере своего собственного юмора.

Помимо людей, которые боятся смеха, и тех, кто получает от этого удовольствие, была выделена третья группа лиц — тех, кто склонен высмеивать окружающих и получает от этого удовольствие, что было названо *катагеластиицизмом* (Ruch, Proyer 2009-a). Такие люди используют любую возможность посмеяться над другими, не испытывая при этом угрызений совести, что может приводить к обидам и ответной агрессии. Однако сами они считают, что в насмешках нет ничего плохого, и тем,

кому это не нравится, просто не хватает чувства юмора. Более высокие показатели катагеластичизма типичны для людей с высокими уровнями экстраверсии и низкими значениями добросовестности, доброжелательности и эмоциональной стабильности (Tsai et al. 2018).

Описанные паттерны отношения к юмору и смеху связаны с предпочитаемыми стилями самопрезентации человека. Так, гистрионный тип самопрезентации, для которого характерна театральность, поведение «как будто», «как-если-бы» (As-If-behaviors), что может выражаться в иронических, саркастических и шуточных высказываниях в ежедневном общении, связан с гелотофилией и катагеластичизмом, в то время как люди, склонные к гелотофобии, характеризуются защитным стилем самопрезентации, т. е., в первую очередь, стремятся избегать социального неодобрения (Renner, Heydasch 2010).

Социально-демографические особенности юмора и смеха

В большом кросскультурном исследовании стилей юмора с участием 28 стран, включая Россию, были показаны значительные различия в выраженности стилей юмора в разных культурах (Schерmer et al. 2019). Особенно яркими они оказались в отношении самоподдерживающего стиля юмора: так, в Венгрии, Индонезии, Южной Африке и Сербии были максимальные, а в Японии — минимальные баллы. Судя по полученным в этом исследовании результатам, россияне отличаются довольно высоким агрессивным стилем юмора (близким к лидерам — Малайзии и Эстонии, в противовес минимальным баллам в Испании и Иране). Почти во всех странах, включая Россию, были показаны взаимосвязи между всеми стилями юмора, что демонстрирует целостность, комплексность чувства юмора.

В мультинациональном исследовании гелотофобии с участием выборок из 73 стран (Proyer et al. 2009) было подтверждено, что гелотофобия является универсальным феноменом, при этом вариативность ответов определяется не столько языком, сколько культурой. Конечно, конкретные формы смеха и поведения, провоцирующие страх насмешки — т. е. ответы на разные пункты опросника — существенно различались в разных странах и отражали проявления гелотофобии в большей или меньшей степени. Однако в целом профиль ответов в восточных странах оказался выше, чем в западных, что авторы исследования связывали с тенденциями к коллективизму/индивидуализму, а социолог К. Дэвис объяснял степенью иерархизированности общества (Davies 2009).

Гендерные различия имеют небольшие культурные особенности, однако, почти во всех странах мужчины более женщин склонны к агрессивному стилю юмора (Мартин 2009; Иванова и др. 2013; Schерmer et al. 2019), за исключением Эстонии, где наблюдалась обратная ситуация (Schерmer et al. 2019). В большинстве стран мужчины также более склонны к самоподдерживающему и самоуничижительному стилям, однако интересно, что в России по самоуничижительному стилю юмора различий не было (Иванова и др. 2013; Schерmer et al. 2019).

Взаимосвязи между стилями юмора также имеют гендерную специфику. В российской выборке корреляции аффилиативного стиля с агрессивным и самоподдерживающим у юношей были значительно выше, чем у девушек, в Москве — почти в 2 раза (Иванова и др. 2014; 2016). Это хорошо согласуется с данными о доминирова-

нии традиционных представлений о маскулинности в России (Митина и др. 2003), когда большое значение для мужчин имеют такие качества, как уверенность в себе и достижение высокого статуса. Другими словами, для российских мужчин значительно большую роль играет направленность юмора на других, чем его позитивный/негативный характер.

Последние исследования выявили возрастную динамику стилей юмора. В целом, несмотря на некоторые культурные различия, склонность к агрессивному и самоуничижительному стилям юмора с возрастом снижается, а к самоподдерживающему стилю юмора — повышается (Schermer et al. 2019), что, вероятно, отражает позитивное личностное развитие в течение жизни.

Интересны данные о половозрастной динамике страха насмешки. В большинстве западных исследований связей гелотофобии с возрастом и полом либо не установлено, либо они невысоки (Renner, Heydasch 2010). В нашем же исследовании мы взяли за основу возрастную периодизацию, учитывающую, что границы возрастных периодов у мужчин и женщин не совпадают. В этом случае на большой российской выборке были обнаружены закономерные возрастные колебания гелотофобии, причём пики и провалы у мужчин и женщин имеют зачастую обратный характер (Стефаненко и др. 2013). Так, в подростковом возрасте гелотофобия более выражена у мужчин (13–16 лет), чем у женщин (12–15 лет), а в юношеском — наоборот. У мужчин в юношестве (17–23 года) страх насмешки снижается, относительно подросткового возраста, но уже в первом зрелом возрасте (24–35 лет) вновь возрастает. У женщин, напротив, юношеский возраст (16–21 год) имеет наиболее выраженные значения гелотофобии, значимо выше, чем подростковый и первый зрелый возраст (22–35 лет). Во втором периоде зрелости, после 35 лет, страх насмешки возрастает как у мужчин, так и у женщин. Исследования китайских учёных показали схожую динамику (Wu et al. 2019).

Для мужчин содержание подросткового возраста окрашено конкуренцией со сверстниками, потребностью в самоутверждении и получении достаточно высокого социального статуса в группе. Отношения с противоположным полом в этом возрасте нередко также являются средством соперничества с представителями своего пола. Неудивительно, что этот период связан с неуверенностью в себе, повышенной социальной тревожностью и отражается в повышении страха насмешки. В юношеском возрасте они больше погружены в профессиональное становление и в этом процессе борьба за место под солнцем относительно ослабевает. Страх насмешки возрастает затем в тот период, когда наиболее активно идёт карьерный рост, от итогов которого нередко зависит вся взрослая жизнь мужчины: статус, успех, размер зарплаты и уровень жизни, уважение коллег, общественное признание и т. п. Несомненно, основные закономерности возрастного развития сходны у обоих полов. Тем не менее, несмотря на значительные культурные изменения, произошедшие в XXI веке, социальный статус женщины в большей степени, чем у мужчин, связан со способностью успешно создать семью, при этом даже в бизнесе семейные женщины более успешны, чем одинокие (Порохнюк 2014). Поэтому неудивительно, что период наибольшей социальной уязвимости женщин, отражающийся в повышении уровня гелотофобии, приходится на юношеский возраст. Затем в период первой зрелости происходит относительный спад, поскольку эта задача либо реализована, либо временно отложена, энергия направляется в другое русло. После 35 лет как для

женщин, так и для мужчин, начинается период субъективно «последней возможности» для самореализации как в семейном, так и в профессиональном отношении, что вновь отражается в подъёме страха насмешки. Динамику гелотофобии можно проследить и в более поздних периодах жизни, тем более, что в современном мире происходят периодические пересмотры границ возрастов. Так, Т. Платт с коллегами показали повышенную чувствительность к насмешкам в позднем возрасте (*Platt et al.* 2010), а в недавнем исследовании было показано, что до 50 лет гелотофобия с возрастом снижается, а после 50 лет, наоборот, растёт (*Шуенков* 2024). Можно сделать вывод, что особенно остро к смеху окружающих люди относятся сначала на этапах становления своего социального статуса, а потом — его снижения с возрастом.

В отношении гелотофилии и катагеластиицизма, не менее интересных феноменов, чем гелотофобия, данных на сегодняшний день значительно меньше. Однако довольно часто повторяются данные о том, что склонность смеяться над другими более характерна для мужчин, чем для женщин, особенно в подростковом возрасте (*Platt et al.* 2010; *Wu et al.* 2019; *Renner, Heydasch* 2010).

Особенности отношения к юмору и смеху имеют специфику в зависимости от места жительства в смысле крупных городов или сельской местности. Подобные данные встречаются нечасто, поскольку, как правило, в психологических научных исследованиях принимают участие жители крупных городов, административных центров — тех мест, где концентрируется наука. В нашем исследовании были получены данные о том, что склонность к аффилиативному, наиболее социальному стилю юмора, у московских студентов-мужчин значимо выше, чем у их сверстников из регионов (*Иванова* и др. 2014). Другими словами, мужчины из мегаполиса как будто отличаются более дружелюбным юмором. В то же время, аффилиативный стиль юмора в московской выборке связан со всеми остальными примерно одинаково, в то время как в группе студентов из других городов России эти связи существенно варьируют по величине. Самоподдерживающий и самоуничужительный стили юмора в региональной выборке взаимосвязаны, особенно высоко — у мужчин, в то время как в московской выборке они не связаны вовсе. Безусловно, для более глубокой интерпретации этих результатов нужны повторные исследования, однако, можно заключить, что структура взаимосвязей стилей юмора культурно специфична не только в масштабе наций, стран, но и локальных, региональных культурных различий.

Интересные закономерности в связи с местом жительства показаны для страха насмешки. В нашем исследовании были собраны данные из населённых пунктов от деревень и посёлков до мегаполисов (*Стефаненко* и др. 2013). В целом гелотофобия возрастает с уменьшением численности населённого пункта, причём эта закономерность устойчива для 5 видов населённых пунктов (до 10 тыс., 10–50 тыс., 50–100 тыс., 100 тыс. — 1 млн, свыше 1 млн). Чем ниже анонимность человека, чем больше он на виду у соседей, тем выше роль репутации, социального статуса, и тем выше его социальная уязвимость, включая уязвимость для смеха окружающих.

Клинические аспекты юмора и смеха

Чувство юмора устойчиво связывается как специалистами, так и в общественном сознании людей, с психическим и психологическим здоровьем. Особенности юмора и смеха могут отражать патологию на уровне отдельного человека или даже обще-

ства в целом. В отношении психологии личности уже накоплено немало данных в пользу этого. Чувство юмора позволяет создавать дистанцию по отношению к стрессовым, травмирующим событиям, жизненным неудачам, справляться с тревожными и депрессивными состояниями (Мартин 2009), сохранять гибкость восприятия и мышления (Бороденко 1995), преодолевать избыточное обобщение и категоричность мышления (Равич 2014) и в целом — сохранять свободу воли и чувство субъектности своей жизни в условиях ограниченности человеческого бытия (Козинцев 2007; Amir 2019), т. е. юмор позволяет нам не только выживать психологически, но и уживаться со своей человеческой природой. Поэтому неудивительно, что многочисленные исследования подтверждают нарушения чувства юмора при различных психических расстройствах (Иванова, Ениколопов 2009).

В отношении стилей юмора систематических клинических исследований не проводилось. Однако отдельные данные свидетельствуют о том, что при шизофрении снижается выраженность всех стилей юмора, кроме самоуничижительного (Иванова и др. 2015), а при депрессии снижается склонность к самоподдерживающему стилю, т. е. использованию юмора в качестве механизма совладания, при повышении самоуничижительного стиля (Стефаненко 2014а).

Выраженность гелотофобии у больных с психическими расстройствами выше, чем у психически здоровых людей (Forabosco et al. 2009). При этом патологический страх насмешки ассоциируется с очень широким спектром психических расстройств: от шизофрении и депрессии до социофобии, пограничных и невротических расстройств (Samson et al. 2011; Tsai et al. 2018; Havranek et al. 2017; Brück et al. 2018; Стефаненко и др. 2014; Любавская и др. 2018; Shunenkov et al. 2021). Другими словами, гелотофобия повышается при любых психических расстройствах, что заставляет задуматься о механизмах этого явления. Клиническая интерпретация патологического страха насмешки неоднозначна. С одной стороны, гелотофобия рассматривается как форма социофобии (Titze 2009), связана с особой формой депрессии — депрессии стыда (Ruch 2009), имеет сходства с обсессивными и паранойяльными явлениями. С другой стороны, само по себе наличие диагноза психического заболевания нередко актуализирует негативные стереотипы со стороны окружающих, нападки, реальные насмешки, а также стыд и тревогу у самого больного — эффект стигматизации (Ениколопов 2013), что существенно затрудняет социальные взаимоотношения и способствует обострению страха насмешки.

Наиболее тесной, с точки зрения здравого смысла, кажется связь гелотофобии с социальной тревожностью или социофобией, которая встречается при различных психических заболеваниях и в определённой степени может присутствовать и у относительно здоровых людей. М. Титц первоначально даже считал гелотофобию особой формой социальной тревожности (Titze 2009). Однако последующие эмпирические исследования подтвердили, что гелотофобия и социофобия, хотя и тесно связаны, не совпадают полностью (Carretero-Dios et al. 2010, Havranek et al. 2017). Высокие показатели страха насмешки встречаются у людей с низкими значениями социофобии и личностной тревожности как в норме, так и среди пациентов с психическими расстройствами. Только половина здоровых людей с высокой социальной тревожностью характеризуются также высокой гелотофобией, зато при наличии у пациентов одновременно симптомов социального тревожного расстройства и личностной тревожности, гелотофобия наблюдалась всегда.

В отличие от гелотофобии, гелотофилия и катагелластицизм, хотя они могут ассоциироваться не только с «позитивным», но и «негативным», высмеивающим характером смеха, как правило, более свойственны психически здоровым людям. Так, например, меньшая выраженность гелотофилии и катагелластицизма характерна для людей с расстройствами аутистического спектра (Tsai et al. 2018), шизофренией (Стефаненко и др. 2014), при депрессиях (Любавская и др. 2018).

Американский психиатр Д. Натансон описал атипичную форму депрессии, «депрессию стыда», которую отличал от типичной «депрессии вины» (Nathanson 1992). Если чувство вины вызывает потребность в исправлении ситуации, то стыд приводит к избеганию ситуаций, которые потенциально могут вызвать смущение, и в крайней степени выраженности — к полной самоизоляции. Исследование показало, что гелотофобия проявляется при депрессии, но характерна не для всех её типов одинаково, а связана именно с атипичной депрессией (депрессией стыда) (Ruch 2009). Можно предположить наличие культурно-исторической трансформации центрального переживания при депрессивном синдроме с постепенным смещением акцента с чувства вины на чувство стыда, на что указывает и ряд других исследователей (Scott 2006). Таким образом, особенности отношения к юмору и смеху в обществе, в том числе в своих патологических проявлениях, могут отражать социальные изменения.

Особенности российского юмора и смеха

Наращение социальных конфликтов в мире за последние годы привело к актуализации вопросов, связанных с национальными особенностями, в частности, юмора и смеха. Например, за последнее десятилетие вопрос о специфике российского юмора журналистами разных стран задавался неоднократно. Так, канадцы сняли фильм «*Rires du Monde*», в котором России был отведён целый сюжет. В 2020 г. финны решили познакомить читателей газеты «*Helsingin Sanomat*» с российской культурой через особенности нашего юмора, а Санкт-Петербургская ТВ-программа «Круг вопросов» сняла передачу «Международный язык юмора». Наверняка были и другие аналогичные сюжеты.

В начале 2010-х гг. мы провели серию исследований стилей юмора и отношения к юмору и смеху в России на выборке более 1000 испытуемых из разных регионов РФ (Стефаненко и др. 2013; Иванова и др. 2014; Иванова и др. 2016; Ivanova et al. 2017), отдельные результаты которых уже приводились выше. В целом, было показано, что культурная специфика российского чувства юмора в большой степени связана с самоуничижительным стилем юмора, а также проявляется в тесной взаимосвязи между условно адаптивными и дезадаптивными стилями. Сходный паттерн прослеживается и в восприятии юмора и смеха: страх насмешки парадоксально приводит к активному вовлечению в обмен шутками. Эти выводы были сделаны на основе чисто количественного анализа данных, полученных с помощью психологических опросников (т. е. субъективных самоотчётов), и их статистического сопоставления с данными других стран. Подобные данные, хотя и представляют некоторую самостоятельную научную ценность, но дают весьма ограниченное продвижение в понимании сущности национального чувства юмора в отрыве от интерпретации, требующей привлечения большого количества исторических, социологических, культурологических и философских знаний. Ни в коей мере не претендуя на столь

широкую эрудицию, мы всё же попытаемся сопоставить эти данные с более объёмным контекстом с целью инициировать дальнейшие исследования в этой области.

Одним из важнейших методологических вопросов, над которыми многие годы бьются исследователи юмора и смеха, является вопрос об антитезе смеха. Кажется, что если удастся определить, что противостоит смеху, то мы сможем глубже и точнее понять его природу. Однако, многоликий смех неоднократно ускользал от такого определения. Либо, напротив, ему подходили различные противопоставления. Наиболее известные варианты антитезы таковы: смех-стыд, смех-страх, смех-агрессия, смех-серьёзность. Каждая антитеза убедительно аргументирована авторами, однако, ни одна из них не приобрела статус официальной, универсальной. Скорее, можно рассматривать их как отражение разных аспектов смеха или функций юмора. На наш взгляд, сквозь призму этих антитез можно анализировать культурно-исторические и современные особенности отечественного юмора и смеха, поскольку представляется, что национальная специфика смеха — это не нечто устойчивое и постоянное, но, конечно, имеющее историческую динамику. И все исторические факторы, влияющие на формирование этой специфики, находят своё отражение в психологических особенностях современного национального юмора, которые мы фиксируем в эмпирических исследованиях. Тогда различные антитезы смеха можно рассмотреть не как альтернативы, а как историческую динамику национального смеха.

Антитеза «смех-стыд»

Л. В. Карасёв считает, что смеху противостоит стыд (*Карасёв* 1993). Стыдливость бежит от смеха, они никогда не возникают вместе. Национальная специфика отношения к юмору и смеху отражается в главном сказочном персонаже — Иване-Дураке, который, несмотря на то (а может быть именно из-за того), что глуп, ленив, смешон и совершает странные поступки, всегда в итоге оказывается в выигрыше. Дурак, как и средневековый шут, не имеет стыда, и нормы общественной морали по отношению к нему неприменимы. Если проанализировать действия Ивана-Дурака, то они обычно не столько глупы, сколько странны, непонятны, он ведёт себя алогично. Другими словами, подразумевается, что он слаб головой, т. е. сумасшедший, психически больной, говоря современным языком. Этот сказочный образ тесно связан с феноменом юродства «Христа ради», описанным А. М. Панченко (*Лихачёв* и др. 1984), когда психически здоровые, а иногда высокообразованные люди сознательно уходили юродствовать из религиозных соображений и через народный смех несли правду в мир. В обоих случаях смех противостоит стыду, поскольку блаженный, сумасшедший автоматически становится вне морали, за границами общественных норм.

Этот психологический механизм можно наблюдать и в современном обществе среди детей или психически больных взрослых. Поведение «сумасшедшего» как бы освобождает человека от стыда и ответственности, автоматически даёт ему индульгенцию. Но платой за это, обратной стороной медали является смех окружающих. Подобные примеры можно наблюдать как в практике психологического консультирования, так и в среде публичных людей — политиков, шоуменов и т. п. С этим же феноменом мы сталкиваемся у детей — так называемых классных шутов. Для того, чтобы не чувствовать стыд за свои недостатки, они намеренно выставляют себя на посмешище одноклассников. Недаром Б. Дземидок (*Дземидок* 1974), обобщая все

классические теории комического, приходит к выводу о том, что первостепенным атрибутом комического является отклонение от нормы. Возвращаясь к феномену юродства, напротив, можно говорить об обратном движении от смеха к стыду. Там, где возникало осознание правды, проходила граница смеха и возникало чувство сакрального, святости. Конечно, явление юродства «Христа ради» необходимо рассматривать в контексте христианства в национальной культуре в целом, которому присущи идеи смирения, самоуничтожения, вины, стыда за свою греховность.

Влияние этих исторических факторов мы, вероятно, наблюдаем и в современных особенностях российского смеха и юмора. Напомним, что в наших исследованиях была показана высокая роль самоуничижительного стиля юмора для россиян и его тесная связь с наиболее распространённым и наиболее адаптивным аффилиативным стилем юмора, а в региональной выборке он также был связан с самоподдерживающим стилем.

Современные исследователи говорят об увеличении роли стыда в современном западном обществе. Например, застенчивость, которая ранее в истории считалась добродетелью, в современном обществе становится не просто нежелательной чертой, но может восприниматься как психическое отклонение (Scott 2006). Ведь нормой считается уверенность в себе, нацеленность на достижения, успех, амбициозность, стремление к высокому статусу и т. п. В связи с этим, в психиатрии и психологии возрастает роль таких расстройств, как социальная тревожность, страх негативной оценки, интерперсональная сензитивность, а также гелотофобия. Напомним также о появлении «депрессии стыда». В какой степени эти тенденции проявляются в России, сказать пока сложно. Однако в исследовании гелотофобии при депрессии нами были установлены сходные с западными тенденции о связи страха насмешки с переживанием стыда, а не вины (Любавская и др. 2018).

Антитеза «смех-страх»

Большинство классических теорий юмора выделяют в качестве одного из необходимых факторов возникновения чувства смешного наличие безопасности (Дземидок 1974): комическое явление не должно угрожать личной безопасности субъекта, не должно вызывать у него страха. Очень наглядно это демонстрируют исследования смеха маленьких детей. Детям становится смешно то, что совсем недавно их пугало или вызывало тревогу (Бороденко 1995). Смех при этом — знак преодоления страха, психологического совладания с угрожающей ситуацией. Наиболее явно страху противостоит чёрный юмор. Поскольку страх — предвестник перемен, то чёрный юмор получает особое развитие в периоды социальных перестроек (Белянин, Бутенко 1996).

А. В. Дмитриев и А. А. Сычёв (Дмитриев, Сычев 2005) описывали историческую динамику как постоянную смену культур смеха и страха. Как страхом, так и смехом трудно управлять, они почти не поддаются сознательному контролю. И смех, и страх обладают этическими и эстетическими смыслами. Смех и страх равны по значимости, но их механизмы и цели противоположны, они взаимно исключают друг друга. Страх связан с ощущением необходимости, безысходности, смех — с ощущением свободы. Страх — это реакция на неразрешимую проблему, смех — на проблему, легко разрешимую.

А. В. Цветков (*Цветков 2007*) анализировал динамику количества и содержания юмористических текстов, поступавших на популярный сайт анекдотов, и сопоставлял их с датами крупных стрессогенных событий — терактов, катастроф. Как показало данное исследование, «стрессогенный» потенциал события можно определить по динамике присланных шуток: в течение нескольких дней после стрессового события общее количество анекдотов, присылаемых на сайт, резко падало. Людям становится страшно, им не до смеха. Затем очень быстро происходит замещение повседневно юмор чёрным, отражающим данное событие, и рост общего числа шуток за счёт этих анекдотов. После наблюдается постепенное снижение количества «чёрных» анекдотов и быстрое восстановление численности обычных, что отражает эффект преодоления страха и боли с помощью юмора.

После недавней всемирной пандемии идея о смехе как преодолении страха больше не нуждается в доказательстве. Все мы наблюдали небывалый вал шуток различного рода на тему коронавируса по всем каналам коммуникации.

В истории России было немало периодов террора и страха. Если говорить только о последних двух веках, начиная с революции 1917-го года, репрессий 1930-х гг. и эпохи диссидентства, Вторая мировая война и вплоть до текущих социально-политических событий — было много поводов для страха и тревоги. В мире русские известны сегодня как народ, который не улыбается. Однако российский психолог Т. Г. Стефаненко (*Стефаненко 2014б*) на основе анализа классических литературных произведений делает вывод о том, что это отражение не столько собственно культурных особенностей, сколько влияния конкретных исторических событий: в первые годы существования советского государства улыбки «ушли», а в 1930-е годы «от них уже отвыкли». Раз ушли, значит, до того были, отмечает она.

Эпоха страха, когда случайный донос мог катастрофически изменить жизнь человека, вероятно, существенно повлияла на нашу способность шутить. Особую значимость приобретает социальная функция смеха, его способность маркировать окружающих как «свой»/«чужой». Этот период сменился затем повальным увлечением анекдотами, которое перерастало в самостоятельную активность вплоть до Перестройки и поражало иностранцев (см., например, *Davies 2007*). Правда, многочасовые кухонные вечера рассказывания анекдотов были, как правило, камерными. Возникает знаменитый «КВН», который выражает уже публичный смех, но базируется всё на том же, как бы завуалированном содержании. Это юмор интеллигенции, перешедший постепенно в массовый и растворившийся позже в этой массовости, как только доля страха перестала «заряжать» его, придавать ему смысл.

Вероятно, именно советский период внёс вклад в особую интеллектуальность отечественного юмора, его поликонтекстность. Шутка должна быть максимально безопасной, понятной только «своим». Возможно, с этим историческим наследием можно связать значительно более тесную связь между «позитивными» и «негативными» стилями юмора в России, в сравнении с жителями западных стран. То, что внешне кажется простым и безобидным, на самом деле может содержать в себе агрессию, но и наоборот.

Антитезы «смех-агрессия», «смех-серьёзность»

А. Г. Козинцев (*Козинцев 2007*) считает, что, хотя исторически смех связан с агрессией, но затем в ходе филогенеза он сепарируется от неё и приобретает значе-

ние игровой агрессии, «агрессии понарошку». Смех и юмор как игровые состояния противопоставляются агрессии. Как же в этом случае трактовать армейский юмор, когда старшие по званию «потешаются» над младшими? Юмор полицейских, спортсменов, врачей и т. п. также зачастую может быть достаточно жёстким. Отдельное место в этом ряду занимает детский смех, который часто приобретает характер жестокости (проблемы буллинга, классных шутов, детского дразнения). По мнению А. Г. Козинцева, в подобных случаях имеет место декарнализация смеха, т. е. смех переходит в серьёзную агрессию и перестаёт быть смехом в истинном смысле слова.

Кажется, в современном мире мы всё чаще сталкиваемся с подобной инверсией смеха. Прекрасной иллюстрацией этого явления, на наш взгляд, является нашумевший фильм «Джокер» Т. Филлипса, в котором смех дегуманизируется, а затем демонизируется и трансформируется в агрессию. Надо отметить, что смех Джокера разный, в нём по ходу разворачивания сюжета можно встретить разнообразные оттенки «негативного» компонента: помимо «физиологического», связанного с неврологическим нарушением, смеха, это и самоуничтожительный, заискивающий смех, и саркастический, и, наконец, злобный смех, разрушающий не только себя, но и окружающий мир, — апокалиптический смех, что ярко показано в финале. Это не тот смех, который возвращает человеку его человеческую природу, но, напротив, смех дегуманизирующий, разрушающий человека. Это смех неуместный, раздражающий, безумный и поэтому страшный. Так смех переходит в серьёзное (само)разрушение.

История Джокера — это трагедия маленького человека, неожиданно получившего поддержку толпы и, таким образом, власть. В динамике перехода от смеха к агрессии вопрос власти играет ключевую роль.

При описании особенностей национального смеха исследователи обращают внимание на отличия смеха «официального» от смеха народного (Vorobyova 2021). Так, например, на границе смеха и агрессии, юмора и серьёзности лежит сатира, в том числе сатира «официальная». М. Воробьёва, анализируя материалы советского киножурнала «Фитиль», делает вывод о том, что сатирическим он был только по названию, но на деле служил не обличению государственного строя, но напротив, его укреплению в массовом сознании; высмеиванию же подвергались в нём частные пороки и недостатки отдельных людей (Vorobyova 2021). Тогда возможно, если мы не можем отнести этот жанр к сатире, то это как раз агрессивный стиль юмора? Аналогичная практика насаждалась не только в кино, но и в обыденной жизни — например, в рабочих, студенческих коллективах, в школе. Можно вспомнить публичное высмеивание конкретных проступков людей в стенгазетах. Грань между юмором и агрессией здесь могла быть очень тонкой, поскольку такие «шутки» могли привести к вполне серьёзным последствиям для жизни. Возможно, относительно высокий уровень агрессивного стиля юмора в России на фоне других стран (Schermer et al. 2019) является отголоском этого периода нашей истории.

Агрессивный стиль юмора, даже в случае наиболее безобидных его форм, можно интерпретировать как юмор власти или юмор лидера. Например, современный юмор «Камеди клуб» отличается, на наш взгляд, высоким уровнем агрессии (в сравнении со своим предшественником КВН). Обобщённый персонаж этого юмора — мажор, молодой человек, достаточно обеспеченный, имеющий определённый статус в обществе, а также распространённые в этом слое общества пороки и вредные привычки. В жанре стэнд-ап он может агрессивно высмеять любого уровня звезду,

появившуюся на шоу. Данный жанр, безусловно, является заимствованием в нашей культуре, однако, вероятно, он отражает новые мировые тенденции, которые влияют и на российский менталитет.

Современные гендерные исследования выявляют противоречивые тенденции в современном российском обществе. С одной стороны, сохраняется патриархатность, доминирование традиционных представлений о маскулинности, когда большое значение для мужчин имеют такие качества, как уверенность в себе и достижения высокого статуса, с другой — возникают и новые тенденции, ориентированные на западные стереотипы (Митина и др. 2003). При этом для России характерен «феминизированный патриархат», при котором мужское начало доминирует в сфере общественных отношений, а женское обладает архаичной властью и определяет ментальную основу российской культуры. (Клименко, Зберовский 2017). Вероятно, относительно высокий уровень агрессивного стиля юмора можно связать и с сохраняющейся ролью маскулинности в России.

* * *

Подводя итоги, хочется ещё раз отметить, что особенности национального юмора и смеха могут рассматриваться как инструмент анализа культурных и исторических трансформаций. Задачей данной статьи является, скорее, постановка проблемы, нежели её решение, предложение определённого ракурса для дальнейших исследований. В сегодняшнем мире уже невозможно оставаться в границах черного/белого. Современные возможности создания и/или имитирования разнообразных реальностей столь велики, что нередко становится невозможным отличить шутку, мем от реальных новостей, передающихся по официальным каналам. И это не означает, что юмор теряет свою актуальность, но он тоже трансформируется, отражая современные реалии и предлагая нам один из путей сохранения своей человечности.

Научная литература

- Белянин В. П., Бутенко И. А. Антология чёрного юмора. М.: ПАИМС, 1996. 191 с.
- Бороденко М. В. Два лица Януса — смеха. Ростов-на-Дону: АО «Цв. печать», 1995. 86 с.
- Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
- Дмитриев А. В., Сычёв А. А. Смех: социофилософский анализ. М.: «Альфа-М», 2005. 592 с.
- Домбровская И. С. К проблеме психологического анализа культурогенеза юмора // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 54–59.
- Ениколопов С. Н. Стигматизация и проблема психического здоровья // Н. В. Зверева (отв. ред.) Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (К 85-летию Юрия Федоровича Полякова). 2013. С. 109–121.
- Иванова Д. И., Митина О. В., Ениколопов С. Н., Иванова Е. М. Особенности психологической защиты у больных шизофренией // XVI Съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы». 23–26 сентября 2015 г. Казань [Электронный ресурс]: тезисы / под общей редакцией Н. Г. Незнанова. СПб.: Альта Астра, 2015. С. 293–294. http://psychiatr.ru/download/2292?view=1&name=XVI-ROP-2015_abstr+%282%29.pdf
- Иванова Е. М., Ениколопов С. Н. Психопатология и чувство юмора // Современная терапия психических расстройств. 2009. № 2. С. 19–24.
- Иванова Е. М., Ениколопов С. Н., Стефаненко Е. А. Особенности отношения к юмору и смеху в России // Вестник РГНФ. 2016. 2 (83). С. 167–181.

- Иванова Е. М., Митина О. В., Стефаненко Е. А., Ениколопов С. Н., Бабина Ю. А., Зизганова Г. А., Низовских Н. А. Самоуничижительный юмор в России и особенности стилей юмора москвичей // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С.163–175.
- Карасёв Л. В. Антитеза смеха // Человек. 1993. № 2. С. 12–31.
- Клименко Н. С., Зберовский А. В. Гендерная идентичность и национальная идентичность в современной духовной культуре России // Вестник КемГУКИ. Культурология. 2017. 39. С. 49–53.
- Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб: Алетейя, 2007. 240 с.
- Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
- Любавская А. А., Олейчик И. В., Иванова Е. М. Особенности гелотофобии, гелотофилии и катагеластизма у пациентов с депрессивным синдромом // Электронный журнал «Клиническая и специальная психология». 2018. Т. 7. № 3. С. 119–134. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070307>
- Мартин Р. Психология юмора / пер. с англ. под ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2009. 480 с.
- Митина О. В., Касперт А., Низовских Н. А. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 164–176.
- Мусийчук М. В. О сходстве приёмов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 99–105.
- Порохнюк Е. Роль, статус и положение женщины в светском институте семьи // Власть. 2014. № 1. С. 65–69.
- Равич Л. Юмор как психотерапия: забавные случаи на пути к просветлению. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. 206 с.
- Стефаненко Е. А. Психологические особенности гелотофобии (страха насмешки) при шизофрении и аффективных расстройствах. Дисс. канд. психол. наук по специальности 19.00.04 Медицинская психология (психологические науки). М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 2014а. 159 с.
- Стефаненко Е. А., Иванова Е. М., Ениколопов С. Н. Социодемографические аспекты гелотофобии в России // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 104–112.
- Стефаненко Е. А., Ениколопов С. Н., Иванова Е. М. Особенности отношения к юмору и смеху у больных шизофренией // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2014. № 1. С. 26–29.
- Стефаненко Е. А., Иванова Е. М., Ениколопов С. Н., Проер Р. Т., Рух В. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 94–108.
- Стефаненко Т. Г. Улыбка и высококонтекстность традиционной русской культуры // Национальный психологический журнал. 2014б. № 2 (14). С. 13–18. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.01/0202>
- Цветков А. В. Черный юмор против терроризма. Москва: Спутник+, 2007. 43 с.
- Шуненков Д. А., Худяков А. В., Иванова Е. М. Страх насмешки (гелотофобия) при невротических расстройствах: психологические особенности: монография. М.: ИНФРА-М, 2024. 207 с.
- Amir L. Philosophy, Humor, and the Human Condition. Taking Ridicule Seriously. New York: Palgrave Macmillan, 2019. 305 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-32671-5>
- Carretero-Dios H., Ruch W., Agudelo D., Platt T., Proyer R. Fear of Being Laughed at and Social Anxiety: A Preliminary Psychometric Study // Psychological Test and Assessment Modeling. 2010. Vol. 52. № 1. P. 108–124. <https://doi.org/10.5167/uzh-33204>
- Davies C. Humour and Protest: Jokes under Communism // International Review of Social History. 2007. № 52. P. 291–305.
- Forabosco G., Ruch W., Nucera P. The Fear of Being Laughed at Among Psychiatric Patients // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 22. № 1–2. P. 233–252. <https://doi.org/10.1515/humr.2009.011>

- Havranek M. M., Volkart F., Bolliger B., Roos S., Buschner M., Mansour R. et al.* The Fear of Being Laughed at as Additional Diagnostic Criterion in Social Anxiety Disorder and Avoidant Personality Disorder? // PLoS ONE. 2017. Vol. 12. № 11. e0188024. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0188024>
- Ivanova A., Stefanenko E., Enikolopov S.* Russian Attitude Towards Humour and Laughter // European Journal of Humour Research. 2017. Vol. 5. № 2. Special issue on Eastern European Humour. P. 80–90. <https://europeanjournalofhumour.org/index.php/ejhr/article/view/174>
- Nathanson D. L.* Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of the Self. New York: Norton, 1992. 496 p.
- Platt T., Ruch W., Proyer R. T.* A Lifetime of Fear of Being Laughed at. An Aged Perspective // Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie. 2010. 43. P. 36–41. <https://doi.org/10.1007/s00391-009-0083-z>
- Platt T., Ruch W., Hofmann J., Proyer R. T.* Extreme Fear of Being Laughed at: Components of Gelotophobia // The Israeli Journal of Humor Research. 2012. Vol. 1. № 1. P. 86–106. <https://doi.org/10.5167/UZH-51808>
- Proyer R. T., Ruch W., Numan S. A. (...), Yeun E. J.* Breaking Ground in Cross-Cultural Research on the Fear of Being Laughed at (Gelotophobia): A Multi-National Study Involving 73 Countries // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 22. № 1–2. P. 1–25. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.012>
- Renner K.-H., Heydasch T.* Performing Humor: On the Relations Between Self-Presentation Styles, Gelotophobia, Gelotophilia, and Katagelasticism // Psychological Test and Assessment Modeling. 2010. Vol. 52. № 2. P. 171–190.
- Ruch W.* Assessment of Appreciation of Humor: Studies with the 3 WD Humor Test // Advances in Personality Assessment / ed. by J. N. Butcher, C. D. Spielberger. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum. 1992. Vol. 9. P. 27–75.
- Ruch W.* Fearing Humor? Gelotophobia: The Fear of Being Laughed at: Introduction and Overview // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 22. № 1–2. P. 1–26. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.001>
- Ruch W., Proyer R. T.* Extending the Study of Gelotophobia: On Gelotophiles and Katagelasticists // Humor: International Journal of Humor Research. 2009-a. Vol. 22. № 1–2. P. 183–212. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.009>
- Ruch W., Proyer R. T.* Who Fears Being Laughed at? The Location of Gelotophobes in the Pen-Model of Personality // Personality and Individual Differences, 2009-b. Vol. 46. № 5–6. P. 627–630. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.01.004>
- Ruch W., Hofmann J., Platt T., Proyer R.* The State-of-the Art in Gelotophobia Research: A Review and Some Theoretical Extensions // Humor: International Journal of Humor Research. 2014. Vol. 27(1). P. 23–46. <https://doi.org/10.1515/humor-2013-0046>
- Samson A. C., Huber O., Ruch W.* Teasing, Ridiculing and the Relation to the Fear of Being Laughed at in Individuals with Asperger's Syndrome // Journal of Autism and Developmental Disorder. 2011. Vol. 41. № 4. P. 475–483. <https://doi.org/10.1007/s10803-010-1071-2>
- Scott S.* The Medicalisation of Shyness: From Social Misfits to Social Fitness // Sociology of Health & Illness. 2006. Vol. 28. № 2. P. 133–153. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2006.00485.x>
- Schermer J. A., Rogoza R., Kwiatkowska M. M. et al.* Humor Styles across 28 Countries // Current Psychology. 2019. Vol. 42. P. 16304–16319. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00552-y>
- Shunenkov D., Vorontsova V., Ivanova A.* Gelotophobia, Attitudes to Illness and Self-Stigmatisation in Patients with Non-Psychotic Mental Disorders and Brain Injuries // The European Journal of Humour Research. 2021. 9. № 2: Laughter and Humour in Communication. P. 141–153. <https://doi.org/10.7592/EJHR2021.9.2.439>
- Smith M.* Humor, Unlaughter, and Boundary Maintenance // Journal of American Folklore. 2009. Vol. 122. № 484. P. 148–171. <https://doi.org/10.2307/20487675>
- Terrion J. L., Ashforth B. A.* From 'I' to 'We': The Role of Putdown Humor and Identity in the De-

- velopment of a Temporary Group // *Human Relations*. 2002. Vol. 55. № 1. P. 55–88. <https://doi.org/10.1177/0018726702055001606>
- Titze M. Gelotophobia: The Fear of Being Laughed at // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2009. Vol. 22 № 1–2. P. 27–48. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.002>
- Tsai M.-N., Wu C.-L., Tseng L.-P., An C.-P., & Chen H.-C. Extraversion Is a Mediator of Gelotophobia: A Study of Autism Spectrum Disorder and the Big Five // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 150. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00150>
- Vorobyeva M. Soviet Policy in the Sphere of Humour and Comedy: The Case of Satirical Cinemazine Fitol // *The European Journal of Humor Research*. 2021. Vol. 9. № 1. P. 155–174. <https://doi.org/10.7592/EJHR2021.9.1.Vorobyeva>
- Wu Ch.-L., Chan Yu-Ch., Chen H.-Ch. Gender Differences on Laugh-Related Traits: A Cross-Sectional Study // *International Journal of Psychology*. 2019 Oct. Vol. 54 № 5. P. 621–627. <https://doi.org/10.1002/ijop.12520> Epub 2018 Aug 7.
- Wyer R. S., Collins J. E. A Theory of Humor Elicitation // *Psychological Review*. October 1992. Vol. 99. № 4. P. 663–688. <https://doi.org/10.1037//0033-295X.99.4.663>

References

- Amir, L. 2019. *Philosophy, Humor, and the Human Condition. Taking Ridicule Seriously*. New York: Palgrave Macmillan. 305 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-32671-5>
- Belyanin, V. P. and I. A. Butenko. 1996. *Antologiya chyornogo yumora* [Anthology of Dark Humor]. Moscow: PAIMS. 191 p.
- Borodenko, M. V. 1995. *Dva litsa Yanusa — smekha* [Two Faces of Janus-Laughter]. Rostov-on-Don: AO “Zv. Pechat’”. 86 p.
- Carretero-Dios, H., W. Ruch, D. Agudelo, T. Platt, and R. Proyer. 2010. Fear of Being Laughed at and Social Anxiety: A Preliminary Psychometric Study. *Psychological Test and Assessment Modeling* 52(1): 108–124. <https://doi.org/10.5167/uzh-33204>
- Davies, C. 2007. Humour and Protest: Jokes under Communism. *International Review of Social History* 52: 291–305.
- Dmitriev, A. V. and A. A. Sychev. 2005. *Smekh: sotsiofilosofskiy analiz* [Laughter: A Sociophilosophical Analysis]. Moscow: Alfa-M. 592 p.
- Dombrovskaya, I. S. 2010. K probleme psikhologicheskogo analiza kul'turogeneza yumora [On the Problem of Psychological Analysis of the Cultural Genesis of Humor]. *Cultural-Historical Psychology* 3: 54–59.
- Dzemidok, B. 1974. *O komicheskom* [About the Comic]. Moscow: Progress. 223 p.
- Enikolopov, S. N. 2013. Stigmatizatsiya i problema psikhicheskogo zdorov'ya [Stigmatization and the Problem of Mental Health]. In *Meditinskaya (klinicheskaya) psikhologiya: traditsii i perspektivy (K 85-letiyu Yuriya Fedorovicha Polyakova)* [Medical (Clinical) Psychology: Traditions and Prospects (On the 85th Anniversary of Yuri Fedorovich Polyakov)], ed. by N. V. Zvereva. 109–121.
- Forabosco, G., W. Ruch, and P. Nucera. 2009. The Fear of Being Laughed at Among Psychiatric Patients. *Humor: International Journal of Humor Research* 22(1–2): 233–252. <https://doi.org/10.1515/humr.2009.011>
- Havranek, M. M., F. Volkart, B. Bolliger, S. Roos, M. Buschner, R. Mansour, et al. 2017. The Fear of Being Laughed at as Additional Diagnostic Criterion in Social Anxiety Disorder and Avoidant Personality Disorder? *PLoS ONE* 12(11): e0188024. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0188024>
- Ivanova, D. I., O. V. Mitina, S. N. Enikolopov, and E. M. Ivanova. 2015. Osobennosti psikhologicheskoy zashchity u bol'nykh shizofreniy [Features of Psychological Defenses in Patients with Schizophrenia]. *XVI S'ezd psikhiatrov Rossii. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem «Psikhiatriya na etapakh reform: problemy i perspektivy»*, (23–26 sentyabrya 2015 goda) [XVI Congress of Psychiatrists of Russia. All-Rus-

- sian Scientific and Practical Conference with International Participation “Psychiatry at the Stages of Reform: Problems and Prospects”, September (23-26, 2015) [Electronic resource]: abstracts / ed. by N. G. Neznanov. Saint Petersburg. P. 293–294. http://psychiatr.ru/download/2292?view=1&name=XVI-ROP-2015_abstr+%282%29.pdf
- Ivanova, E. M. and S. N. Enikolopov. 2009. Psikhopatologiya i chuvstvo yumora [Psychopathology and the Sense of Humor]. *Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroystv* 2: 19–24.
- Ivanova, E. M., S. N. Enikolopov, and E. A. Stefanenko. 2016. Osobennosti otnosheniya k yumoru i smekhu v Rossii [Peculiarities of the Attitude to Humor and Laughter in Russia]. *Vestnik RGNF* 2(83): 167–181.
- Ivanova, E. M., O. V. Mitina, E. A. Stefanenko, S. N. Enikolopov, Yu. A. Babina, G. A. Zizganova, and N. A. Nizovskikh. 2014. Samounichizhitel'nyy yumor v Rossii i osobennosti stiley yumora moskvicey [Self-defeating Humor in Russia and the Peculiarities of Humor Styles of Muscovites]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* 51: 163–175.
- Ivanova, A., E. Stefanenko and S. Enikolopov. 2017. Russian Attitude Towards Humour and Laughter. *European Journal of Humour Research* 5(2). Special issue on Eastern European Humour: 80–90. <https://europeanjournalofhumour.org/index.php/ejhr/article/view/174>
- Karasev, L. V. 1993. Antiteza smekha [The Antithesis of Laughter]. *Chelovek* 2: 12–31.
- Klimenko, N. S. and A. V. Zberovskiy. 2017. Gendernaya identichnost' i natsional'naya identichnost' v sovremennoy dukhovnoy kul'ture Rossii [Gender Identity and National Identity in the Modern Spiritual Culture of Russia]. *Vestnik KemGUKI. Kul'turologiya* 39: 49–53.
- Kozintsev, A. G. 2007. *Chelovek i smekh* [Human and Laughter]. Saint Petersburg: Aleteya. 240 p.
- Likhachev, D. S., A. M. Panchenko, and N. V. Ponyrko. 1984. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad: Nauka. 295 p.
- Lyubavskaya, A. A., I. V. Oleychik, and E. M. Ivanova. 2018. Osobennosti gelotofobii, gelotofilii i katagelastitsizma u patsientov s depressivnym sindromom [Gelotophobia, Gelotophilia, and Katagelasticism in Patients with Depression]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* 7(3): 119–134. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070307>
- Martin, R. A. 2009. *Psikhologia Umora* [The Psychology of Humor: An Integrative Approach — In Russ.]. Saint Petersburg: Piter. 480 p.
- Mitina, O. V., A. Kaspert, and N. A. Nizovskikh. 2003. Ideologiya maskulinnosti v Rossii: postanovka problemy i eksperimental'noe issledovanie [The Ideology of Masculinity in Russia: Problem Statement and Experimental Study]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 2: 164–176.
- Musiychuk, M. V. 2003. O skhodstve priemov ostroumiya i mekhanizmov postroeniya paradoksal'nykh zadach [On the Similarity of Wit Techniques and Mechanisms for Constructing Paradoxical Tasks]. *Voprosy psikhologii* 6: 99–105.
- Nathanson, D. L. 1992. *Shame and pride: affect, sex, and the birth of the self*. New York: Norton. 496 p.
- Platt, T., W. Ruch, and R. T. Proyer. 2010. A Lifetime of Fear of Being Laughed at. An Aged Perspective. *Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie* 43: 36–41. <https://doi.org/10.1007/s00391-009-0083-z>
- Platt, T., W. Ruch, J. Hofmann, and R. T. Proyer. 2012. Extreme Fear of Being Laughed at: Components of Gelotophobia. *The Israeli Journal of Humour Research* 1(1): 86–106. <https://doi.org/10.5167/UZH-51808>
- Porokhnyuk, E. 2014. Rol', status i polozhenie zhenshchiny v svetskom institute sem'i [The Role, Status and Position of Woman in the Secular Family Institute]. *Vlast'* 1: 65–69.
- Proyer, R. T., W. Ruch, S. A. Numan, (...), and E. J. Yeun. 2009. Breaking Ground in Cross-Cultural Research on the Fear of Being Laughed at (Gelotophobia): A Multi-National Study Involving 73 Countries. *Humor: International Journal of Humour Research* 22(1–2): 1–25. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.012>
- Ravich, L. 2014. *Yumor kak psikhoterapiya: zabavnye sluchai na puti k prosvetleniyu* [Humor as Psychotherapy: Funny Cases on the Way to Enlightenment]. Rostov-on-Don: Fenix. 206 p.
- Renner, K.-H. and T. Heydasch. 2010. Performing humor: On the Relations Between Self-Presen-

- tation Styles, Gelotophobia, Gelotophilia, and Katagelasticism. *Psychological Test and Assessment Modeling* 52(2): 171–190.
- Ruch, W. 1992. Assessment of Appreciation of Humor: Studies with the 3 WD Humor Test. *Advances in Personality Assessment* (Vol. 9), ed. by J. N. Butcher, C. D. Spielberger. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum. 27–75.
- Ruch, W. 2009. Fearing Humor? Gelotophobia: The Fear of Being Laughed at: Introduction and Overview. *Humor: International Journal of Humor Research* 22(1–2): 1–26. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.001>
- Ruch, W. and R. T. Proyer. 2009-a. Extending the Study of Gelotophobia: On Gelotophiles and Katagelasticists. *Humor: International Journal of Humor Research* 22(1–2): 183–212. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.009>
- Ruch, W. and R. T. Proyer. 2009-b. Who Fears Being Laughed at? The Location of Gelotophobes in the Pen-Model of Personality. *Personality and Individual Differences* 46(5–6): 627–630. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.01.004>
- Ruch, W., J. Hofmann, T. Platt and R. Proyer. 2014. The State-of-the Art in Gelotophobia Research: A Review and Some Theoretical Extensions. *Humor: International Journal of Humor Research* 27(1): 23–46. <https://doi.org/10.1515/humor-2013-0046> | Published online: 27 Nov 2013.
- Samson, A. C., O. Huber, W. Ruch. 2011. Teasing, Ridiculing and the Relation to the Fear of Being Laughed at in Individuals with Asperger’s Syndrome. *Journal of Autism and Developmental Disorder* 41(4): 475–483. <https://doi.org/10.1007/s10803-010-1071-2>
- Scott, S. 2006. The Medicalisation of Shyness: From Social Misfits to Social Fitness. *Sociology of Health & Illness* 28(2): 133–153. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2006.00485.x>
- Schermer, J. A., R. Rogoza, M. M. Kwiatkowska, et al. 2023. Humor Styles across 28 Countries. *Current Psychology* 42: 16304–16319. Published online 06 December 2019. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00552-y>
- Shunenkova, D. A., A. V. Khudyakov and E. M. Ivanova 2024. *Strah nasmeshki (gelotofobiya) pri nevroticheskikh rassstrojstvakh: psichologicheskie osobennosti* [The Fear of Being Laughed at (Gelotophobia) under Neurotic Disorders: Psychological Features]. Monograph. Moscow: INFRA-M. 207 p.
- Shunenkova, D., V. Vorontsova and A. Ivanova. 2021. Gelotophobia, Attitudes to Illness and Self-Stigmatisation in Patients with Non-Psychotic Mental Disorders and Brain Injuries. *The European Journal of Humour Research* 9(2): Laughter and Humour in Communication. P. 141–153. <https://doi.org/10.7592/EJHR2021.9.2.439>
- Smith, M. 2009. Humor, Unlaughter, and Boundary Maintenance. *Journal of American Folklore* 122(484): 148–171.
- Stefanenko, E. A. 2014a. *Psichologicheskie osobennosti gelotofobii (strakha nasmeshki) pri shizofrenii i affektivnykh rassstrojstvakh*. [Psychological Features of Gelotophobia (the Fear of Being Laughed at) in Schizophrenia and Affective Disorders]. Ph.D. Dissertation, Lomonosov Moscow State University. Moscow. 159 p.
- Stefanenko, E. A., E. M. Ivanova, and C. N. Enikolopov. 2013. Sotsiodemograficheskie aspekty gelotofobii v Rossii [Sociodemographic Aspects of Gelotophobia in Russia]. *Voprosy psikhologii* 2: 104–112.
- Stefanenko, E. A., S. N. Enikolopov, E. M. Ivanova. 2014. Osobennosti otnosheniya k yumoru i smekhu u bol’nykh shizofreniy [Features of the Attitude to Humor and Laughter in Patients with Schizophrenia]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S. S. Korsakova* 1: 26–29.
- Stefanenko, E. A., E. M. Ivanova, S. N. Enikolopov, R. T. Proyer, and W. Ruch. 2011. Diagnostika strakha vyglyadet’ smeshnym: russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika gelotofobii [Diagnosis of the Fear of Being Laughed at: A Russian-Language Adaptation of the Gelotophobia Scale]. *Psichologicheskij zhurnal* 32(2): 94–108.
- Stefanenko, T. G. 2014b. Ulybka i vysokokontekstnost’ traditsionnoy russkoy kul’tury [The Smile and High-contextuality of the Traditional Russian Culture]. *Natsional’nyy psichologicheskij zhurnal* 2(14): 13–18. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.01/0202>
- Terrion, J. L. and B. A. Ashforth. 2002. From ‘I’ to ‘We’: The Role of Putdown Humor and Identity

- in the Development of a Temporary Group. *Human Relations* 55(1): 55–88. <https://doi.org/10.1177/0018726702055001606>
- Titze, M. 2009. Gelotophobia: The Fear of Being Laughed at. *Humor: International Journal of Humor Research* 22(1–2): 27–48. <https://doi.org/10.1515/HUMR.2009.002>
- Tsai, M.-N., C.-L. Wu, L.-P. Tseng, C.-P. An, and H.-C. Chen. 2018. Extraversion Is a Mediator of Gelotophobia: A Study of Autism Spectrum Disorder and the Big Five. *Frontiers in Psychology* 9: 150. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00150>
- Tsvetkov, A. V. 2007. *Chernyy yumor protiv terrorizma* [The Dark Humor against Terrorism]. Moscow: Sputnik+. 43 p.
- Vorobyeva, M. 2021. Soviet Policy in the Sphere of Humour and Comedy: The Case of Satirical Cinemagazine Fitol. *The European Journal of Humour Research* 9(1): 155–174. <https://doi.org/10.7592/EJHR2021.9.1.Vorobyeva>
- Wu, Ch.-L., Yu-Ch. Chan, and H.-Ch. Chen. 2019. Gender Differences on Laugh-Related Traits: A Cross-Sectional Study. *International Journal of Psychology* 54(5): 621–627. <https://doi.org/10.1002/ijop.12520> Epub 2018 Aug 7
- Wyer, R. S. and J. E. Collins. 1992. A Theory of Humor Elicitation. *Psychological Review*. October 99(4): 663–688. <https://doi.org/10.1037//0033-295X.99.4.663>